

Александр Етоев

Нечертова дюжина

Александр Етоев
Нечертова дюжина

«Автор»

Етоев А. В.

Нечертова дюжина / А. В. Етоев — «Автор»,

© Етоев А. В.

© Автор

Содержание

Ходили мы походами	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Александр Етоев

Нечёртова дюжина

Ходили мы походами

1

Васильков ковырял пальцем в ухе, будто ключ в замке поворачивал, – с каким-то мелким металлическим скрипом. Что у него там скрипело – неясно. То ли смазка высохла по причине летней жары, то ли в пальце сустав заело.

Левый тапок у Василькова был лохматый, грустный, весь какой-то больной; правый был вполне ничего, вполне новый, только уж очень грязный.

Может, Васильков, он левша? В смысле, на толчковую ногу.

Странный Васильков человек. Умный, но очень странный. Задумчивый, не как все. Одно слово – изобретатель.

Вот и сейчас – сплюнул с губы травинку и говорит:

– Пор-р-шень, пар-р и впер-рёд.

– Пар? Это еще зачем? А поршень? – спросили мы с Валькой одновременно.

– Эффект присутствия! – Васильков поднял к небу палец.

– Чего-чего? – Я не понял.

– Армия невидимок.

Я посмотрел на Вальку. Валька посмотрел на меня. Потом мы оба посмотрели на Василькова.

Васильков молчал.

– Ясно, – сказал Валька с унылым вздохом. – Ладно, Васильков, мы пойдем. Как-нибудь и без поршня справимся.

– Ага, – сказал я и отправился вслед за Валькой к калитке. – Без поршня оно как-то привычнее.

– КПД – четыре процента, – задумчиво сказал Васильков, что-то быстро царапая на земле веточкой. – А если отказаться от пара...

Калитка скрипнула и закрылась. Мы медленно побрели вдоль забора. Из проулка выглянула чья-то непонятная голова, сверкнула на нас глазами и вмиг исчезла.

Валька вынул из кармана рогатку и побежал вперед. В проулке уже никакой головы не было. Валька выстрелил наугад по хилым зарослям купыря, шуганул бабукинских кур и погрозил в сторону леса, в который упирался проулок.

В лесу что-то громко ухнуло, над острыми верхушками ёлок поднялся клубок ворон и рассыпался чернильными кляксами.

– Видел? – сказал мне Валька, тыча пальцем в шевелящийся лес.

– Да уж, – сказал я на всякий случай, хотя ничего особенного не видел. Ёлки, ободранные коровами сосенки, на опушке – рыжий стожок.

– Не нравится мне всё это, ой не нравится.

– Да уж, – повторил я. – Может, в шашки пойдем играть?

– В шашки? – Валька пристально посмотрел на меня, словно разглядывал под микроскопом микроба. – Поздно, Галочкин, отменяются шашки.

Я хотел спросить, почему, повернул голову к лесу и замер, пораженный необычайным зрелищем.

Рыжий стожок, до того мирно дремавший под теплым июльским солнышком, скособо-чился, потом выровнялся, снова перекосялся, уже на другой бок, и вразвалочку двинулся в нашу сторону.

Лес притих, мы тоже притихли, в четыре глаза уставившись на это загадочное явление.

Стожок двигался поначалу медленно, медленно одолел высохшую канаву, медленно вплыл в проулок и, видно, выбравшись на твердую почву, рысцой припустил к нам.

Первым пришел в себя Валька.

– Сматываемся, – скомандовал он, и мы двинули что есть сил по проулку.

Но не успели мы пробежать и трех метров, как проулок со стороны Стрелкиной улицы перекрыла мычащая парнокопытная армия.

Возглавлял ее бык Петлюра, угрюмый тупорылый злодей с черной меткой на низком лбу и сточенными в боях рогами.

Справа был высокий забор, за которым жил злобный пенсионер Епифакин. Он держал за забором пчёл и торговал на базаре мёдом.

Слева тоже был высокий забор, за которым вел хозяйство пенсионер Бабукин. Бабукин пчёл не держал, зато держал матерого волкодава Вальтера.

Стожок был уже близко; он двигался коварными петлями, и неизвестно что было у него на уме.

Мы стояли ни живы ни мертвы между молотом петлюровской армии и наковальной таинственного стожка. Стояли и не знали, что делать.

Зато знал, что делать, Петлюра. Он издал скрежещущий звук, что-то среднее между визгом мотопилы, вгрызающейся в столетний ствол, и рокотом усталого трактора.

Потом копнул копытами землю и бросился по проулку в атаку.

Со страху Валька дернулся влево, к глухому бабукинскому забору, я со страху отскочил вправо – к епифакинскому. Бык пронесся, как паровоз, между нами и на полной курьерской скорости налетел на живой стожок.

Дальше произошло вот что. Стожок подпрыгнул, будто ужаленный, разбрасывая вокруг себя золотистые клочья сена. Затем распался на части, и из него, дико вопя, вывалились две мальчишеские фигуры. Пригнув головы и размахивая руками, они рванули в сторону леса.

Мы смотрели на их сумасшедший бег и потихоньку приходили в себя. Бык Петлюра громко жевал, слизывая розовым языком прилипшее к губам сено. Его рогатая армия дружно подъедала трофеи.

Бочком-бочком, вдоль забора, я выбрался на Стрелкину улицу.

Валька на другой стороне проулка в точности повторил мой маневр, и уже через пять минут мы сидели у меня во дворе, разглядывая с хмурыми лицами дырочки на наших сандалиях.

2

– Думай, – сказал мне Валька.

Я наморщил лоб и стал думать.

– Ну? – спросил Валька через минуту.

– Может, Бунчикова попросим? Бунчиков парень сильный. Или Веника?

– Веник мою ласту утопил прошлым летом. А у Бунчикова сестра придурочная. Первый класс – а все в сказки верит. Еще думай.

– Расстрелять их из катапульты. Всю кудыкинскую компанию. Набрать коровьих лепешек и расстрелять.

– Ты, Галочкин, прямо второй Васильков. «Поршень, пар и вперед». А где ты, интересно, возьмешь эту самую катапульту?

– Катапульту-то? Да в лесу. Там их полный лес, катапульт. Нагибаешь ёлку, насаживаешь на верхушку снаряд, ёлку отпускаешь и – вж-и-ить!

Валька почесал в голове.

– А что, идея хорошая. Только какой осел будет стоять и ждать, пока в него попадет коровья лепешка?

– Ну, – соображал я на ходу, – сперва пристреляемся. Определим зону обстрела. А потом воткнем там какую-нибудь палку с запиской. «Не копай – убьет!» Ты же знаешь кудыкинских, раз написано «не копать» – обязательно весь лес перероют.

– Нет, – сказал Валька хмуро. – Не пойдет. Их сколько? А нас? Ты да я, ну еще Петухова уговорим. Это от силы по паре выстрелов с человека.

– Василькова можно.

– Васильков слишком умный, вроде тебя. КПД – четыре процента. Ему только велосипеды изобретать.

Я хихикнул, вспомнив васильковский велосипед. Вернее, идею велосипеда, с которой наш поселковый гений носился всё прошлогоднее лето. Идея была такая: если заднее колесо сделать очень большим, а переднее – очень маленьким, то педалей вовсе не будет нужно. Велосипед тогда едет сам, как бы всегда под горку.

Из-за дома выплыло облако, похожее на слона.

– Слоновья яма, – сказал я на всякий случай. – Знаешь, как в Африке охотятся на слонов? На тропе вырывают большую яму, сверху кладут тонкие жердочки, на них – ветки, землю, траву, всякие там цветочки. Слон идет, ни о чем не думает...

– А где мы возьмем слона? – спросил Валька.

Я растерялся:

– Какого слона?

– Да, Галочкин, думать – это тебе не в шашки играть. – Валька встал, сорвал с дерева зеленую сливу, надкусил, сморщился и запустил ее в смородинные кусты.

– Ой! – сказали в кустах.

Я вздрогнул, Валька нахмурился.

– Интересно, кто это там за нами шпионит? – страшным голосом спросил он.

– Это я, – ответили из кустов. – Я тут просто сижу.

Переступая грядки, мы подошли к смородине. За кустами на корточках сидела Любка, придурочная бунчиковская сестра.

– Тебя кто просил за нами шпионить?

Любка хлопнула веснушчатым носом, глаза ее были мокрые.

– У нас пугало с огорода сбежало. Всю клубнику съело, все огурцы потоптало, а Борька говорит – это я. А это не я, это пугало. Оно с огорода сбежало, всю клубнику съело, все огурцы потоптало, а Борька...

– Про Борьку мы уже слышали, – сказал Валька. – Говори, зачем нас подслушивала? Тебя Кудыкин сюда подослал?

– Я только про слона вас подслушивала, а до этого я не подслушивала. У нас пугало с огорода сбежало...

– Ладно. – Валька махнул рукой. Толку от этой Любки не было никакого.

Любка вытерла кулаком глаза.

– Оно еще записку оставило. Вот. – Она вынула из кармашка смятый листок бумаги.

Валька взял записку, разгладил ее на ладони и стал читать.

– Пугало, говоришь? – задумчиво сказал он и передал мне записку.

«Кто не с нами, тот против нас», – написано было в ней крупными кудыкинскими каракулями.

– И куда же оно сбежало?

- В лес. Куда ему еще бежать, как не в лес?
- Валька посмотрел на меня и покрутил у виска пальцем.
- Я пожал плечами. Любку мне было жалко.
- Вернется твое пугало, – сказал я. – Иди домой, скажи Борьке, что он нам нужен по очень важному делу.
- Это про слона?
- Какого еще слона? – спросил Валька.
- Ну, такого... который в Африке.

3

- Борька Бунчиков прочитал записку, хмыкнул и сказал бодрим голосом:
- Вот гады!
- Потом еще раз хмыкнул и говорит:
- Ладно, ребята, сейчас мне некогда, я пошел. Ко мне Пашка на выходные приехал. Мы с ним лодку резиновую заклеиваем. Восемь дырок уже заклеили, осталось еще четыре. На Язевку хотим съездить, за окунями.
 - Что ж, счастливой рыбалки, – сказал Валька ледяным голосом. – А Кудыкин, пока вы там рыбку ловите, весь ваш огород по кусту перетопчет.
 - Не перетопчет. Ко мне Пашка приехал, у Пашки дядя тренер по боксу. У него один кулак размером с две твоих головы.
 - И где же, интересно, этот твой Пашкин дядя? – злорадно хихикнул Валька. – Вы, наверно, этого дядю в кладовке про запас держите?
 - Да Кудыкину, что дядя, что огородное пугало, – сказал я. – Ты еще табличку на заборе повесь: «Осторожно! Злой Пашкин дядя!»
- Борька задумался.
- На улице послышались шум, топот и какое-то механическое пощелкивание.
- Ребята! Галочкин! Кулебякин! – раздался пыхтящий голос.
- Мы вскочили, голос был Василькова.
- Обогнув дом, мы все трое подбежали к калитке. На улице у ворот стоял Васильков, и лицо его сияло, как самовар. Рядом с ним стояла странного вида конструкция; к раме от раскладушки были приделаны четыре велосипедных обода, скрепленные попарно осями. Из осей торчали штырьки, а на конце каждого такого штырька было насажено что-то вроде колодки, на которой сапожники подбивают обувь. Но не это удивило нас больше всего, а то, что на каждую из колодок – насчитали мы их не меньше десятка – были аккуратно надеты, зашнурованы и завязаны бантиком где ботинок, где дырявая кеда, где просто спортивный тапочек.
- Колеса тоже не остались разутыми. На них сидели несколько огромных калош, насаженных наружу подошвами.
- Вот, – гордо сообщил Васильков, показывая на свое детище. Потом помялся и виновато добавил: – От пара пока пришлось отказаться. Ну, ничего, – он снова заулыбался, – в другой раз будут и пар, и поршень. Есть у меня в запасе одна идея...
- Валька обошел васильковское чудо техники и подергал за одну из калош:
- И далеко ты на своей раскладушке собрался ехать?
 - Дело не в расстоянии, – хитрым голосом сказал Васильков. – Главное здесь – эффект присутствия. Вот. – Он показал на пыльную полосу улицы. – Правда, здорово?
- Улица пестрела следами. Казалось, по ней протопала целая небольшая армия.
- Армия невидимок, – довольно хохотнул Васильков. – Следов много, а людей – никого. У меня эта машина уже неделю в сарае стоит. Я все думал приделать паровой двигатель, но больно уж с ним много хлопот.

Борька Бунчиков с задумчивым видом разглядывал одну из подошв. Затем с таким же задумчивым видом посмотрел в лицо Василькову.

– Это же тот самый ботинок, который у Епифакина в бане спёрли. Я его по рубчикам помню.

Валька тоже пригляделся к ботинку:

– Нет, это не Епифакина. У Епифакина спёрли левый, а этот правый.

– Левый, правый – какая разница? – сказал я. – Епифакин разбираться не будет. Шарахнет ломом, и всем твоим невидимкам крышка.

– Я пошел, – сказал Борька Бунчиков, – мне надо лодку клеить.

– Мальчики! – Мелко топая и шмыгая облупленным носом, к нам бежала Борькина сестра Любка. – На водоеме Петухов тонет. У него бревно от берега унесло!

4

Над камышами стрекотали стрекозы и мирно перешептывались шмели.

Тихо светило солнце, вода была золотая и сонная, и у берега в золотой воде плавали золотые рыбки.

Водоем наш – круглый, как блин; берега словно обведены по циркулю; ближний берег порос травой, а на дальнем, за невысоким обрывом, стеной вырастает лес.

– Вон он, – крикнула Любка, будто бы мы сами не видели.

На воде, почти на самой серёдке, медленно качалось бревно, а на бревне, вцепившись в него руками, медленно тонул Петухов.

Тонул Петухов молча и, наверно, уже давно.

Увидев нашу компанию, он раскрыл было рот для крика, но тут бревно резко дернулось в сторону лесистого берега.

Петухов только тихо ойкнул и вцепился в него покрепче.

– Такая дылда, а до сих пор плавать не научился, – сказала Любка.

– Ну-ну. – Валька подозрительно смотрел на бревно.

– Петухов, – крикнул Борька Бунчиков, – а, Петухов? Ты ногами, ногами работай. Подгребай в нашу сторону.

– Непонятно. – Валька задумался. – Ветра нет, течения нет, как же это его угораздило?

– Оттолкнулся и поплыл по инерции, чего уж тут непонятного, – сказал Борька Бунчиков.

– По инерции? Может, и по инерции, – сказал Валька. – Только на фига ему это нужно? Себя что ли решил испытать? Нет, все равно непонятно.

– Надо Петухова спасать. – Я решительно сбросил в траву сандалии.

Тут сзади загрохотало васильковское чудо техники. Припозднившийся по причине сильно пересеченной местности, изобретатель вытер со лба испарину и с ходу включился в спасательные работы.

Из подсумка, болтающегося на задке машины, он вынул моток веревки, нашел в траве обломок сухой доски, привязал веревку к доске и пустил свой утлый кораблик по воде в сторону Петухова.

– Жаль, времени мало, – сказал Васильков, наматывая себе на запястье свободный конец веревки, – а то бы я еще винт поставил, для скорости. Ничего, в следующий раз будет тонуть – поставлю.

– Эй, там, на бревне! – крикнул я, вдевая ноги в сандалии. – Принимай конец!

– Остальные гонят волну, – скомандовал Васильков, и мы принялись швырять в воду ветки, мелкие камешки и комья прибрежной тины.

Спасательная деревяшка с веревкой нехотя плыла к утопающему.

Петухов сидел на бревне, уныло опустив голову. Похоже, собственное спасение его нисколько не интересовало.

– Цепляй! – крикнул Васильков Петухову, когда плотик был совсем близко.

Но Петухов повел себя странно. Вместо того, чтобы схватить спасательную веревку, он судорожно вцепился в бревно. И только он это сделал, как бревно с предательской ловкостью сделало рывок по воде, проплыло несколько метров и замерло, легонько покачиваясь.

– Живое, – тихо сказала Любка. Губы ее тряслись от страха. Она набрала полный рот воздуха, зажмурилась и крикнула: – Крокодил!

– Спятила? – сказал Валька. – Какие здесь крокодилы? – Но уверенности в его словах не было.

– Петухов! – крикнул я утопающему. – Давай кончай свои штучки! Ты спасаться собираешься или нет?

Петухов приподнял голову, скосил взгляд в сторону леса и с отчаянной решимостью закричал:

– Да не могу я, понимаете? Не могу! Привязанный я, они ж, гады, меня за веревку тащат!

От другого берега по воде протянулась узенькая дорожка. Бревно ожило; Петухов сжался; Любка выпучила глаза; в глазах Вальки прыгали злые чертики; Васильков сматывал непригодившуюся веревку; Борька Бунчиков с хмурым видом плевал в золотую воду.

Бревно с утопающим Петуховым уплывало к противоположному берегу. Там, уже не скрываясь, стояла вся кудыкинская компания. Лыков и Короедов-младший, похохатывая, тянули веревку. Жмаев, Бородавкин и Коклюшев скалились нечищенными зубами. Сам Кудыкин стоял на камушке, скрестив по-наполеоновски руки.

Подтянув бревно к берегу, кудыкинцы схватили ватного Петухова и, подталкивая беднягу в спину, погнали в глубину леса. Петухов не сопротивлялся.

– Так мы будем поступать с каждым, кто слишком много о себе думает, – громко, на весь водоем, заявил Кудыкин и вразвалочку отправился следом.

5

Мы стояли как замороженные.

И все вокруг сделалось неживым и тусклым: солнце, небо, лес на том берегу, сонные пятнышки облаков.

Обидно, когда прямо у тебя на глазах творится такое наглое беззаконие, а ты стоишь, как дурак, и не можешь ничего сделать.

– Мальчики, – сказала вдруг Любка, – почему вы их так боитесь?

Мы опешили. Действительно, почему?

– Вот еще, – сказал Валька, – было б кого бояться. Да я этого Кудыкина одной левой.

– Кудыкин хитрый, – сказал Борька Бунчиков. – У него в лесу штаб. Возле старого аэродрома, в ангаре.

– Знаем мы ихний штаб, – усмехнулся Валька. – Песочница для детского сада. Там только в куличики играть.

– Хороши куличики, – сказал я. – У Бунчикова весь огород вытоптали, даже пугало и то сперли. И Петухова в плен взяли.

– Пугало – это да, пугало жалко, – вздохнул Бунчиков. – Я же только позавчера капитанский китель у деда выпросил. Почти новый, всего лет двадцать в сундуке пролежал. Красивое было пугало.

– Красивое, – подтвердила Любка. – Борька ему свою шапку-ушанку без одного уха отдал, и бабушкины очки без стекол, и папин галстук. И в прятки оно со мной на огороде играло – я за грядку спрячусь, а оно водит. – Любка села на корточки и прикрыла глаза ладошкой. – Вот так.

– Ладно вам, подумаешь – пугало, – сказал я. – Надо о Петухове думать. А если они его будут пытаться?

– В Африке пленных в муравейник сажают, – задумчиво сказал Валька. – За час от человека остается один скелет.

Любка заплакала.

– Ты чего? – спросил ее Валька.

– Ничего, – сказала Любка сквозь слезы и заплакала еще больше.

– Влюбилась, – объяснил Борька. – Она в этого Петухова еще прошлым летом влюбилась.

– Сам ты в Верку Яблокину влюбился, – сказала Любка, вытирая глаза передником. – А я – ничего, мне человека жалко.

– Да хватит вам: влюбился, влюбилась. От этих ваших влюбленностей Петухову ни жарко ни холодно. – Я задумчиво посмотрел на Борьку. – Бунчиков, ты говорил, к тебе друг какой-то приехал?

– Да, Пашка. Мы с ним лодку собирались клеивать.

Я кивнул.

– Ведь этого твоего Пашку никто в поселке не знает, так?

– Так, – кивнул в ответ Бунчиков.

– А что если этого твоего Пашку послать на разведку в лес? Вроде как по грибы?

– Как это по грибы? А лодку кто будет клеить?

– Слушай, Бунчиков, тебе что важнее – какая-то дырявая лодка или жизнь человека? – пришел мне на помощь Валька. – Галочкин правильно говорит. Пашка здесь человек новый, кудыкинские его не знают. Пашка твой походит по лесу, выяснит, как и что, а потом придет и все нам расскажет.

– Боречка, ну пожалуйста, – тихо прошептала Любка.

– Хорошо, пойду скажу Пашке. Он сделает, он такой. Заодно, может, пугало где в лесу встретит. Китель-то почти новый, всего лет двадцать в сундуке пролежал.

6

Борькин Пашка с виду был костлявый и хилый. Из-под майки у него выпирали лопатки, и во рту не хватало двух передних зубов.

Борька объяснил ему ситуацию, выдал из кладовки самую большую корзину, и мы отправили Пашку в лес.

Прошел час, прошло два, а Борькиного друга всё не было.

Мы сидели у Бунчиковых на крыльце и от скуки играли в ножички.

Валька встал и посмотрел на низкое солнце.

– В болото что ли провалился твой Пашка? Или назад дорогу забыл?

– Пашка не заблудится, он такой. Пашка в лесу, как дома.

– Ой! – Любка соскочила с крылечка и побежала к забору. – Кажется, Епифакин орёт.

– Нет, – сказал Валька, – это Бабукин, у Епифакина голос злее. – И тоже отправился посмотреть.

Права оказалась Любка, орал, действительно, Епифакин.

Он топал по середине улицы в белой пенсионерской шляпе. Сквозь сетку пенсионерской майки синели серпы и молоты, звезды и церковные купола, голуби и Кавказские горы.

Он шел, толкая перед собой васильковский велосипед-раскладушку.

Следом, опустив голову, тащился сам Васильков, жалкий и какой-то потерянный.

– Уголовщина! – орал Епифакин. – Я тут, понимаешь, как карла, вкальваю на трудовом фронте, а он тут, понимаешь, разбойничает. Развел тут, понимаешь, натуральную уголовщину, по баням шарит, чужие ботинки прёт, дырявит их гвоздём, понимаешь.

– Не воровал я, – вяло хныкал изобретатель. – Нашел я его, ну правда, – в канаве, на нашей улице.

– Будет тебе сейчас и канава, и небо в клеточку, уголовник. К мамке с папкой придем, все тебе тогда будет.

– Ты чего ж это, боров, ребенка мучаешь? – сказала выскочившая на шум мелкая старушка Морковкина. – Небось сам по пьянке ботинок с ноги сронил, а на дитё валишь.

– Молчи, бабуся, – огрызнулся на Морковкину Епифакин. – А то я тебя под статью за соучастие подведу. И за ложные показания.

– Ишь, – всколыхнулась бабка, – видали праведника! Мёд сахарной водой разбавляет, а берет как за натуральный продукт. Я всё про тебя, ирода, знаю.

– А общественный колодезь кто весной завалил? Не ты ли? – сказал добрый пенсионер дядя Федя Жуков, подходя и закуривая папиросу.

– А где, собственно, доказательства, что ботинок ваш? – спросил интеллигентный дачник Бобрович, снимающий у дяди Феди веранду с видом на огород.

– Вот доказательства! – Епифакин показал зрителям свои ноги. Действительно, на правой была какая-то туфля времен покорения Крыма, а на левой – мрачный ботинок ленинградской фабрики «Скорород». – И вот доказательства! – Он ткнул пальцем в васильковскую технику.

Бобрович присел на корточки возле раскладушки-велосипеда, потрогал винтики-болтики и повернулся к изобретателю.

– Интересная конструкция. Это ваша? – спросил он у Василькова. – А паровой привод не пробовали?

– Паровой привод я пробовал, идея такая была, – вежливо кивнул Васильков. – Но теперь я решил использовать более прогрессивный метод. Силу приливов нашего водоема. Вот смотрите. – Он принялся рисовать на земле танцующие колонки цифр и волнистые ленточки уравнений.

– Смело, молодой человек. Очень оригинально. – Бобрович сдвинул на нос очки и, посапывая от работы мысли, следил за васильковскими выкладками.

– Это... Я извиняюсь... Мне бы, значит, насчет ботинка. – Епифакин скромно топтался рядом, теребя в руках белую пенсионерскую шляпу.

Дядя Федя весело улыбался и хлопал Епифакина по плечу:

– Тут люди мировую науку двигают, а ты – ботинок. Лапоть ты, Епифакин. Лапоть ты и тормоз прогресса. Тебе бы в каменном веке жить.

Любка пошевелила носом и дернула брата за руку.

– А? – спросил Борька Бунчиков, отворачиваясь от уличной сцены.

– Дымом пахнет, – сказала Любка. – Горит где-то.

Мы посмотрели по сторонам, в поселке вроде ничего не горело. Ветерок дул от леса, и, действительно, попахивало дымком.

– И Пашки почему-то всё нет, – сказал Борька печальным голосом.

Я представил горящий лес и мечущегося среди пламени Пашку.

– Так, – решительно сказал Валька. – Кто не трус, два шага вперед.

Первой шагнула Любка. Я и Борька скосили друг на друга глаза и шагнули тоже.

– Ты, Любка, – маленькая, ты остаешься здесь, – сказал Валька.

– Так нечестно, – сказала Любка. – Как огород полоть – я большая, а как что-то интересное – сразу маленькая?

– Нет, – объяснил ей Валька, – ты, Любка, остаешься здесь, на дворе, на случай, если Пашка придет без нас. Доложишь ему обстановку. И вообще... – Валька насупился. – Вдруг твой брат не вернется, кто тогда будет заботиться о родителях?

7

Мы шли гуськом по мягкой лесной дорожке, приюхиваясь к горьковатому ветерку. Под ногами хрустели веточки и сновали умные муравьи.

Лес был добрый, еще не темный, но солнце уже катилось вниз, золотя пахучие сосны и протянутую между ветками паутину.

До просеки мы дошли, не скрываясь. За просекой начиналась чаща.

Валька, человек опытный, приложил палец к губам и первым нырнул в осинник. Мы шагнули за ним.

Запах дыма сделался гуще, но был он вовсе не страшный, при лесном пожаре дым не такой.

До старого лесного аэродрома ходу было полчаса с хвостиком – если двигаться быстрым шагом и напрямую по боковой просеке. Но просека – место открытое, наверняка там выставлены кудыкинские посты.

Поэтому, чтобы не рисковать, мы решили пересечь чащу и выйти во вражеские тылы со стороны Ковалкиного болота.

О болоте ходила дурная слава; говорили, что во время войны там сбили немецкий «Юнкерс», и бабы, собиравшие клюкву, слышали иногда, как в болоте кто-то тихо ругается по-немецки.

Но мы-то знали, что все это бабьи сказки. Не может человек, даже немец, столько лет провести в болоте.

Чащей идти было жутковато и трудно.

То и дело попадались вывороченные с корнем стволы, под корнями темнели ямы, из ям, из маслянистой воды, торчали чьи-то обглоданные скелеты и провожали нас нехорошим взглядом.

Может, это и были те самые утопленники-фашисты, расселившиеся по всему лесу?

– Ой! – сказал Борька Бунчиков и застыл на месте как вкопанный.

Я с ходу налетел на него, Борька не удержался, и мы оба навалились на Вальку, который шел впереди.

Должно быть, Валька подумал, что это кудыкинская компания нанесла ему удар в спину. Он сделал боевой кувырок, быстренько откатился в сторону и спрятался за трухлявым пнем.

Я поднялся, помог подняться завязшему во мху Борьке и тупо уставился на него.

– Ты чего? – спросил я, стряхивая с себя иголки.

Борька меня не слышал. Зрачки его превратились в точки, затем сделались огромные, как луна, и весь он усох и съежился, как маленький лесной человечек.

– Эй! – долетел до нас из-за пня взволнованный Валькин шепот.

Я пожал плечами, покрутил возле уха пальцем и махнул Вальке, чтоб выходил.

– Там, – сказал Борька Бунчиков, помолчал и добавил: – Ой! – отступая за невзрачную сосенку.

Я повернул голову, проследил, куда смотрит Борька, и челюсть моя отвисла.

В мохнатой тени под ёлками сидел на корточках человек.

– Здравсьте, – брякнул я наугад первое, что пришло в голову.

Человек сидел неподвижно и на «здравсьте» ничего не ответил.

Странный это был человек: лицо – синее, сам – зеленый, на голове не то красная шапочка, не то сушеный гриб мухомор.

Из-за пня показался Валька. В руках он держал рогатину – тяжеленную корявую дуру, оружие первобытной пехоты.

– Ну что там опять? Почему застряли? – спросил он нас недовольно.

– Валька, ты что-нибудь по-немецки знаешь? – вполголоса спросил я.

Валька обалдело посмотрел на меня.

– Хенде хох, – сказал Борька Бунчиков.

– Ребята, вы что? – подозрительно спросил Валька. – Какие немцы? Какой еще «хенде хох»?

– Такие, – сказал Борька Бунчиков. – Которые в болоте сидят. Вон, видишь, под ёлкой?

Валька хмуро взглянул на Борьку, перевел взгляд на ёлку и равнодушно пожал плечами.

– Тоже мне, нашли немца. Это Вязников, дядя Леша, он за станцией, в Ершово живет.

– А почему он такой зеленый? И молчит? – спросил Борька Бунчиков. – И зачем у него на голове мухомор?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.